

С началом занятий Драко и Гарри, прекрасно ориентируясь в лабиринтах замка, всякий раз приводили первокурсников Слизерина в нужный кабинет задолго до звонка. Если не считать первого дня, когда толпы любопытных, желающих поглазеть на Спасителя, несколько замедлили их путь, всё шло на редкость гладко. Пивз даже не пытался устраивать им пакости — Кровавый Барон то и дело мелькал поблизости от строя новичков. Да и капризные лестницы вели себя смиренно: стоило Гарри и Драко подойти, как ступени послушно замирали, указывая верное направление.

Поскольку большинство уроков у Слизерина стояло совместно с Гриффиндором, трений было не избежать, и в центре каждого конфликта неизменно оказывался Рон Уизли. Гарри старательно его игнорировал, но у Драко и остальных змеек терпение было не столь безграничным. Малфой больше не бросался словами вроде «нищеврод», «многодетная семья» или «предатель крови», как в прошлой жизни, но его ледяной взгляд и едкие замечания заставляли учеников видеть в нём уменьшенную копию профессора Зельеварения. Блейз и Панси с удовольствием расставляли для Рона словесные ловушки или провоцировали его многозначительными ухмылками прямо во время занятий. В итоге Уизли терял баллы почти у каждого преподавателя. Стоило ему выйти из класса, как он то и дело спотыкался на ровном месте или сворачивал не туда — не без тайной помощи слизеринцев.

Гарри всё замечал, но хранил невозмутимое спокойствие. Его неизменная вежливость и мягкость привели к тому, что многие львята прониклись симпатией к слизеринскому Спасителю. Вскоре Рон обнаружил, что остался в изоляции: даже собственные братья осаживали его, когда он пытался ворчать на Гарри в гостиной, а другие однокурсники всё чаще и охотнее обменивались с Поттером парой дружелюбных фраз.

Злоключения Рона достигли апогея на уроке трансфигурации. В тот день Гарри и Драко, войдя в кабинет, первым делом поклонились полосатой кошке, сидевшей на столе, и лишь затем заняли свои места. Следуя примеру Главы курса и его заместителя, все слизеринцы повторили жест, хотя многие и не понимали его смысла. Когда на кошачьей морде промелькнула вполне человеческая улыбка, змейки осознали причину и мысленно пообещали себе и впредь следить за ними, дабы не позорить факультет. Гриффиндорцы же подобной пронизательностью не отличались: они вваливались в класс шумящей толпой, запыхавшиеся и несобранные. Глядя на них, Гарри невольно посочувствовал Годрику: видимо, даже безупречные манеры Предка-льва не смогли привить его подопечным понятие об этикете.

В тот момент, когда профессор Макгонагалл уже собиралась принять человеческий облик, в дверях показался Рон Уизли. В зубах он сжимал кусок тыквенного пирога, а мантия была застегнута вкривь и вкось.

— Повезло! — выдохнул он, едва переводя дух и не замечая кошку на столе. — Профессора ещё нет.

Рон усаживался на место, не обращая внимания на сочувственные взгляды слизеринцев.

— Уизли, если вы считаете, что опоздание — пустяк, возможно, мне стоит превратить вас в карманные часы? Чтобы вы научились ценить время. Минус два балла Гриффиндору, —

ледяной тон принявшей свой истинный облик Макгонагалл заставил Рона оцепенеть.

— Простите, профессор... я... я перепутал этажи... — пробормотал он, понутив голову. Он так и не заметил, как декан явно разочаровалась.

Урок начался с краткого вступления, после чего Макгонагалл превратила стол в пухлого поросенка и обратно под восторженные вздохи учеников. Гарри и Драко лишь обменялись улыбками — это было точь-в-точь как в их первую школьную пору, и от этого дежавю потеплело на душе.

Получив задание превратить спичку в иголку, друзья быстро заскучали. Под бдительными взглядами сокурсников они начали игру: «спичка — игла — снова спичка». Гарри, обладая феноменальной памятью, с каждым разом создавал новый вид иглы: то швейную, то хирургическую, то для вышивания. Драко же сосредоточился на эстетике, превращая обычный металл в изящное ювелирное изделие с гравировкой. Блейз лишь закатывал глаза, глядя на их забавы, а Панси всерьез раздумывала, не попросить ли Драко переделать пару её старых украшений.

— Десять баллов Слизерину — по пять мистеру Поттеру и мистеру Малфоем за блестящий успех, — Макгонагалл, всё это время незаметно наблюдавшая за Гарри, не смогла сдержать одобрения. — Мистер Поттер, ваша наблюдательность и память поразительны — вы создали целый набор различных игл. А мистер Малфой продемонстрировал вкус и внимание к деталям, превратив обычный предмет в нечто художественное. Ваше владение чарами выше всяких похвал.

Гарри слегка покраснел и застенчиво улыбнулся, а Драко едва заметно, по-малфоевски, вздернул подбородок.

— Подумаешь, великое достижение, — раздался хриплый шепот.

Внимание Макгонагалл мгновенно переключилось на Рона. Тот с такой яростью тыкал палочкой в спичку, что дерево начало дымиться от трения.

— Мистер Уизли, — устало произнесла профессор, — задача состоит в том, чтобы превратить спичку в иглу, а не продемонстрировать нам способ добычи огня без помощи магии.

К концу урока лицо Рона по цвету сравнялось с его волосами. Каждая его ошибка подвергалась безжалостной критике, а змейки и лвята тихо посмеивались над его неуклюжестью. Малфой же, стояло Макгонагалл отвернуться, бросал на него такие торжествующие взгляды, что гнев, копившийся в Роне все эти дни, наконец вырвался наружу. Как только прозвенел колокол, Уизли первым выскочил в коридор и преградил путь Гарри.

— Поттер! Не думай, что если за тобой стоят эти змеи, я тебя испугаюсь! — заорал он на весь коридор, привлекая внимание проходящих мимо учеников Хаффлпаффа и Рэйвенкло. — Я

знаю, что все мои неудачи — твоих рук дело! Тоже мне, Спаситель... Да ты просто предатель! Твои родители были гриффиндорцами, весь твой род веками учился на нашем факультете, а ты якшаешься с этим ядовитым отродьем и строишь из себя невесть что. Тошно смотреть! Лжец, лицемер, предатель! Рано или поздно я выведу тебя на чистую воду!

— Рон Уизли, это уже слишком! — раздался резкий девичий голос. Из толпы вышла Гермиона, которая как раз проходила мимо. — И всё из-за того, что в поезде Гарри не пожал тебе руку? Ты сам ввалился в купе без приглашения и начал болтать о вещах, которые его ранят. Гарри был выше этого и не стал с тобой спорить, но ты вместо извинений начал оскорблять его мать на распределении! Каждое твоё слово — позор для Гриффиндора. Где твоё благородство? Где рыцарский дух? Ты поливаешь его грязью на каждом углу только потому, что он в Слизерине? Что ж, по крайней мере те слизеринцы, которых я видела, знают, что такое вежливость и уважение, в отличие от тебя!

Гермиона буквально дрожала от ярости, а её волосы, казалось, начали искриться. Рядом с ней стоял Невилл, и его обычно добродушное круглое лицо сейчас выглядело суровым и холодным.

— Рон, я знаю твоих родителей, Артур и Молли — замечательные, добрые люди. Твои братья тоже. Начинаю думать, что ты — какое-то недоразумение в семье Уизли. Гарри — мой друг, наши родители дружили, и моя бабушка очень высокого мнения о нём. Если ты ещё раз посмеешь его оскорбить, я объявлю тебе официальное предупреждение от имени рода Лонгботтом.

По коридору пронесся гул удивления, но его прервал властный голос Макгонагалл, вышедшей из кабинета.

— Мистер Уизли, — она сверлила Рона взглядом, от которого тот съежился. — Как декан Гриффиндора, я заявляю: мистер Поттер не совершил ни единого поступка, дающего вам право называть его «предателем». У вас нет ни полномочий, ни оснований судить его. Я требую, чтобы вы немедленно принесли официальные извинения мистеру Поттеру. Также вы извинитесь перед мисс Грейнджер и мистером Лонгботтомом за то, что оскорбили их чувства и достоинство их друга. Гриффиндор теряет пятьдесят баллов, а вам назначается месяц отработок. Ваше поведение — пятно на репутации моего факультета.

— С какой стати я должен извиняться?! — выкрикнул Рон, окончательно теряя над собой контроль. — Вы все его выгораживаете! Только потому, что он — Спаситель? Я не виноват и извиняться не буду!

— Рон, замолчи! — Перси и близнецы, прибежавшие на шум, схватили брата. Перси с силой зажал ему рот, не давая произнести больше ни слова.

— Прости, Гарри, — искренне сказал один из близнецов. — Мы заставим его извиниться позже, сейчас ему нужно остыть.

Гарри смотрел на это зрелище с пугающим безразличием. Единственное, чего ему хотелось —

оказаться как можно дальше отсюда.

— Всё в порядке, Фред. Тебе не нужно отвечать за его глупость. Но передай брату: я не потерплю повторения подобного. У меня уроки, мне пора.

Поклонившись Макгонагалл, Гарри ушел. Драко не двинулся с места, и слизеринцы за его спиной тоже замерли, но они пылали яростью. Оскорбление заместителя Главы курса Слизерина было оскорблением каждого из них.

Драко едва сдерживался. Вокруг него начала сгущаться тяжелая аура магического давления. Только он чувствовал, как сильно дрожали руки Гарри в тот момент, когда Рон выкрикнул слово «предатель». Самое нелепое и жестокое обвинение для того, кого сам Годрик Гриффиндор называл своей гордостью.

— Блейз, веди всех в следующий класс, я догоню, — не оборачиваясь, приказал Драко. Он впился ледяным взглядом в Рона. — Уизли, ты хоть понимаешь, что натворил? Гарри — заместитель главы первого курса Слизерина. Он игнорировал твои нападки только ради того, чтобы не провоцировать конфликт между факультетами. Но у Слизерина есть железное правило: мы оберегаем своего Главу курса и его заместителя. Мы уважаем силу и не боимся вызовов. Если ты не прекратишь свою клевету, я вызову тебя на официальную дуэль от имени всего нашего курса. Победишь — мы оставим тебя в покое. Проиграешь — извинишься перед Гарри и всем Слизерином в Большом зале и навсегда закроешь свой рот. Помни, Уизли: молчание Гарри — это не страх. Тебе просто не по силам выдержать его гнев.

Бросив это напоследок, Драко развернулся и ушел. Он боялся, что если останется ещё на секунду, то сорвется на Аваду Кедаву. В классе ему сообщили, что Гарри отпросился в спальню. Драко, не раздумывая, последовал за ним.

В комнате было пусто. Тревога и гнев захлестнули Малфоя. Он сел на кровать друга, пытаясь успокоиться. Как он мог допустить это? Он знал, как Гарри дорожит памятью о Гриффиндоре, и всё же позволил этому рыжему недоумку ударить в самое больное место.

— Драко, Гарри на берегу Чёрного озера.

Голос заставил Малфоя вздрогнуть. В двустороннем зеркале на тумбочке Гарри виднелось суровое лицо Годрика Гриффиндора.

— Годрик... ты знаешь?

— Да, портреты в коридоре уже всё рассказали. Салазар отправил Сала — своего фамильяра — присмотреть за ним. Не волнуйся слишком сильно. Те, что в кабинете директора, шепчут, что Дамблдор уже в курсе. Я сам с ним поговорю. И передай Гарри: пусть не слушает бредни этого мальчишки. Он — Гарри Поттер, и я, Годрик Гриффиндор, горжусь им. Всегда.

Драко кивнул и поспешил к озеру. Гарри сидел на берегу, а на его коленях уютно устроился Сал — огромный василиск Салазара, который сейчас больше напоминал ласкового котенка.

— Гарри.

Поттер поднял голову и слабо улыбнулся.

— Всё хорошо, Драко. Сал мне очень помог.

Малфой сел рядом и осторожно обнял друга за плечи.

— Годрик просил передать, что он гордится тобой. Всегда.

Гарри прислонился к плечу Драко, наблюдая за бликами на воде. Боль внутри медленно утихала. У него был Драко, были верные друзья, были Основатели, которые верили в него. Этого было более чем достаточно, чтобы выстоять.

Вечером того же дня чета Уизли прибыла в кабинет директора через камин. Молли устроила Рону грандиозную головомойку, а Артур потребовал от старших сыновей строгого надзора за младшим. Дамблдор привычно улыбался, обещая уладить дело с Малфоями и Лонгботтомами.

Макгонагалл хранила молчание. Она лишь сухо кивнула в ответ на извинения Уизли. Дамблдор понимал: Минерва, всегда горой стоявшая за своих, на этот раз не простила Рону его жестокости. Для неё Гарри был как родной внук, и её преданность не зависела от цвета галстука. Профессор Снейп тоже явно не собирался спускать дело на тормозах — декан Слизерина славился своей защитой подопечных, а уж когда дело касалось сына Лили...

Дамблдор вздохнул. Рон Уизли ухитрился восстановить против себя всех: от Основателей замка до самых суровых преподавателей. На следующем уроке Зельеварения Северус Снейп вычел у Рона тридцать баллов и назначил месяц дополнительных отработок. Выходя из подземелий, вконец измотанный Уизли осознал: за одну вспышку гнева он лишил факультет восьмидесяти баллов и потерял всё свободное время на месяц вперед. Впервые в жизни он всерьез задумался о том, что иногда лучше держать язык за зубами.

<http://bllate.org/book/17565/1703140>